— Как ощущения? — Бай Цзянь смотрел Сы Юэ в глаза, улыбаясь нежно и томно. Он напоминал сирену под призрачным лунным светом — ту, что завораживает моряков сладкоголосым пением и увлекает на дно. Улыбка манила, едва уловимо, но неотвратимо.

Сы Юэ боялся Бай Цзяня в эти дни. Нет, не «боялся»… Его ресницы дрожали, как крылья стрекозы в чужих пальцах. Он сглотнул — глотать уже было нечего.

— Ты хоть помнишь, кто я?

— …

Бай Цзянь поднял руку, прохладная ладонь легла Сы Юэ на щёку, впитывая тепло его кожи — тепло, уже заметно ниже человеческой нормы.

— Такой вопрос… как мне на него ответить?

— Не можешь?

— Нет. Просто на этот вопрос, — Бай Цзянь опустил ресницы, склонился к Сы Юэ и повёл носом вдоль его подбородка вверх, втягивая запах. — Отвечать не нужно.

От этого звериного обнюхивания у Сы Юэ мурашки побежали по коже головы. Пальцы судорожно вцепились в край комода, ладони вспотели, хватка ослабла.

— Вне всякого сомнения — ты мой пара.

Сы Юэ разомкнул губы:

— Имя?

— А-Юэ. — Бай Цзянь опустил взгляд, длинные ресницы отбросили тёмную тень под глазами. — Маленькая белая рыбка.

— …

— Русал.

— Хорошо, мой дорогой маленький белый русал.

На последнем слове Бай Цзянь метнулся к Сы Юэ, ладонь подложив ему под затылок прежде, чем тот ударился о холодную твёрдую стену. Губы и языки сплелись. Сы Юэ дрожал от поцелуя — близость с Бай Цзянем вызывала в нём одновременно предвкушение и страх.

Особенно в эти дни перед полнолунием. Бай Цзянь не то чтобы совсем не считался с его чувствами — он считался, но его восприятие слегка смещалось. То, что он давал А-Юэ, было тем, что он полагал допустимым.

Бай Лу стоял с Жуся на руках у дверей главного дома. Чистый, холодный лунный свет заливал двор за его спиной.

Он увидел Сы Юэ, закутанного в пиджак брата, на руках у брата — они выходили из приёмной.

Бай Лу разглядел только, что голова Сы Юэ склонена к груди Бай Цзяня, лицо почти полностью скрыто.

— Брат, брат! — Бай Лу кинулся следом. — Вы с А-Юэ...

«...что делали?»

Последние слова застряли в горле. Бай Лу наткнулся на бездонно-чёрные, без единого проблеска, зрачки Бай Цзяня и разглядел чёрные чешуйки на его подбородке. Бай Лу мгновенно захлопнул рот, втянул голову в плечи и, прижимая к себе Жуся, дал дёру.

Бай Цзянь медленно отвёл взгляд от убегающей фигуры и понёс Сы Юэ наверх.

Сы Юэ проспал до следующего дня и встал только после обеда. Едва шевельнувшись, он почувствовал, как нечто медленно вытекает из его тела.

Осознав, что его опять «пропитали», Сы Юэ одеревенело поднялся и на негнущихся ногах побрёл в ванную.

Он уже не в первый раз проходил через эту процедуру очистки — опыт имелся.

Но в этот раз субстанции было больше, и она прилипала куда сильнее, с откровенным упрямством отказываясь покидать его тело. Терпения у Сы Юэ хватило ненадолго — он бросил душевую лейку и переключился на чистку зубов и умывание.

Внизу Бай Лу и Жуся лежали на ковре в гостиной и грелись на солнце.

В последние дни стало жарко, но не настолько, чтобы включать кондиционер. Сы Юэ натянул старую чёрную футболку, оставшуюся со школы, вышел на галерею второго этажа и увидел Бай Лу под пледом на солнце, а поверх пледа — Жуся. Оба явно крепко спали.

Им не жарко?

Не задумываясь, Сы Юэ спустился, порылся на кухне, нашёл термометр и подержал его во рту.

38,5.

Так он и знал.

После каждого «пропитывания» ему становилось плохо — то боль, то жар, то что-нибудь ещё.

Вчера тётушке Линь удалось уговорить его выпить стакан горячего молока. Сегодня она уже не церемонилась — молча подогрела и протянула.

Горячее, да ещё с молочным привкусом. Сы Юэ поморщился и не успел даже отказаться: из желудка подкатила волна тошноты, поднялась к горлу. Он согнулся пополам и пару раз судорожно сглотнул, давясь.

Тётушка Линь и две её помощницы, колдовавшие над десертами, уставились на Сы Юэ в потрясении.

От рвотных позывов у него закружилась голова.

Сначала он не понял, почему взгляды женщин выражали не беспокойство, а шок.

Руки тётушки Линь, держащие стакан молока, задрожали. Она понизила голос до шёпота:

— Молодой господин А-Юэ... Вы... в положении?

— ?!

Сы Юэ залился краской до самых кончиков ушей:

— Как это возможно? Я мужчина. Это ненаучно.

В глазах тётушки Линь засветилась нежность:

— А вдруг человеческая наука и наука русалов — это разные науки?

Остальные две помощницы закивали:

— Точно-точно! Вот я вам скажу, когда я была молодая, у нас в деревне тоже такое бывало!

— Именно! Лучше поверить, чем не поверить!

— Это же один шанс на миллион, а вдруг он выпал именно молодому господину А-Юэ?

— Да-да!

Сы Юэ просто мутило от запаха молока. С каменным лицом он слушал, как тётушки от научного деторождения перешли к истории о мужчине, который разом родил шестерню. Достав из холодильника свежевыжатый апельсиновый сок, он выпил — горчил, но хотя бы прочистил мозги.

Потому что когда тётушки произнесли «лучше поверить, чем не поверить», он на одну секунду всерьёз задумался: а вдруг и правда забеременел?

Впрочем, только на секунду.

— Мы приготовили панна-котту с двойными сливками. Нельзя же только соком обходиться! — Тётушка Линь свято помнила наказы Бай Цзяня. — Сейчас будет готово. И тосты с джемом. Хорошо?

Увидев её полное надежды лицо, Сы Юэ не смог отказать. Кивнул.

Тётушки засуетились на кухне, а его отправили ждать в гостиную.

Позавтракав, Сы Юэ развалился на диване с телефоном. Раньше он жил в центре города и редко видел такое солнце. В Цинбэе — дожди и туманы, солнечные дни случались нечасто.

[Госпожа Вэнь, меня тошнит. Может, я беременный?]

Вэнь Хэ уехала к тётушке Сюй, маме семейства Цзян, побыть с ней. Сы Юэ мог рассчитывать только на телефонную консультацию и не ждал мгновенного ответа.

Открыл чат с Чжоу Янъяном.

Тому разрешали пользоваться телефоном час в день. Набралось 99+ сообщений.

[Попроси Бай Цзяня сказать Сяо Аню, чтобы мне разрешили передвигаться по территории. Я тут скоро плесенью покроюсь.]

[Дайте мне защитный костюм — и всё. Хочу навестить Лао Цзяна. Оттуда ни звука. То, что мне пересказывают с чужих слов, меня не успокаивает. Хочу сам увидеть.]

[Я разговорил того, кто носит мне еду. Он сказал, Сяо Ань очень серьёзно относится к Лао Цзяну. Мать честная, кому охота быть «приоритетным объектом» для этих психов из лаборатории? Это ведь значит — представляет научную ценность. Больше ничего парень не знает, говорит, уровень допуска слишком низкий.]

[Это что ж, Лао Цзян теперь лабораторный проект?]

Сы Юэ прибавил яркость экрана и ответил:

[У него всё плохо. Я спрошу Бай Цзяня.]

Вместо Бай Цзяня он написал Цзян Юю — попросил контакт Сяо Аня.

Цзян Юй ответил молниеносно и скинул визитку.

Сяо Ань принимал заявки в друзья автоматически — видимо, ему было лень нажимать «принять».

[Я Сы Юэ. Хотел узнать о состоянии Цзян Шии.]

Это был рабочий аккаунт Сяо Аня, телефон держал ассистент. Агент 02, увидев уведомление, поднял экран и показал Сяо Аню, который возился в лаборатории.

Сяо Ань попросил 02 ответить — честно.

02 знал, что Сы Юэ — свой.

[Сяо Ань: Состояние объекта 0410 без изменений. Начал принимать пищу. Сегодня утром в 8:00 произошла очередная мутация. Предложенная нами первичная операция по удалению поражённых тканей мозга была отклонена объектом. При ознакомлении с планом лечения мы также проинформировали его обо всех послеоперационных осложнениях и рисках.]

[Сяо Ань: Воля к жизни у объекта 0410 крайне слабая. Он отказался от операции, и мы не будем прибегать к принуждению. Мы собирались обратиться к господину Бай Цзяню с просьбой попросить вас поговорить с 0410 и убедить его согласиться. Несмотря на то что мы — сотрудники исследовательского центра, мы тоже хотим, чтобы 0410 выжил.]

[Сяо Ань: Вы можете сейчас говорить по телефону? Мы организуем вам разговор с 0410.]

Сы Юэ сел и написал: «Могу».

02 устроился в маленькой комнате — рабочем помещении для лаборантов, соединяющем изолятор Цзян Шии с лабораторией. Он нажал одну из кнопок на панели.

Поднёс микрофон телефона к переговорному устройству.

Цзян Шии был чувствителен к звукам, но за последние дни его утомили речи сотрудников центра.

«Завтра будет лучше», «Что может быть важнее жизни?», «Пока зелены горы, дрова не переведутся»… Все хотели, чтобы он выжил, но причины у каждого были свои. Бай Цзянь — потому что боялся навредить душевному состоянию А-Юэ. Исследователи — потому что он представлял научную ценность. А А-Юэ…

— Цзян Шии.

Из динамика донёсся знакомый голос. Чуть нечёткий.

Цзян Шии шевельнул пальцами. Глазные яблоки под веками дрогнули.

Мониторы, отслеживающие его состояние, сигнализировали тревогу — пульс подскочил до восьмидесяти с лишним.

У русалов сердцебиение значительно медленнее, чем у людей. Норма для человека — шестьдесят-сто, у русалов — вдвое ниже. Все эти дни пульс Цзян Шии едва дотягивал до тридцати.

— А-Юэ. — Горло Цзян Шии было покрыто чешуёй. При кашле он выхаркивал чешуйки с кровяными прожилками.

Сы Юэ не слышал его слов — только гудение аппаратуры и напряжённое дыхание 02.

Он пытался угадать, что скажет Цзян Шии. Что захочет сказать.

— Ему тяжело говорить, — шёпотом пояснил 02. — Чешуя выросла и внутри тела, в том числе в горле. Большую часть он сам выдрал пальцами.

Цзян Шии слышал голос 02 и понял, что Сы Юэ говорит с ним через телефон и переговорное устройство.

Сы Юэ мог представить себе эту картину.

Он отвернулся к окну. Яркое полуденное солнце ложилось на тёмно-коричневый пол — ослепительно, до боли в глазах. Казалось, от одного взгляда можно обжечься.

Сы Юэ прикрыл глаза и медленно произнёс:

— Есть ещё что-то… что ты хочешь сделать?

Все показатели Цзян Шии поползли вверх, амплитуда кривых увеличилась.

02 мысленно присвистнул: «Ах вот оно что. 0410 неравнодушен к молодому супругу господина Бай Цзяня».

Цзян Шии поднял глаза. Его серо-белые зрачки прошли сквозь стеклянную стену, сквозь людей в белых халатах, словно видя того, кто говорил с ним.

«Я хочу тебя увидеть».

— Нет, — сказал Цзян Шии.

02 передал:

— 0410 говорит, что больше ничего не хочет.

— А… — Сы Юэ машинально протянул, как обычно делал, когда не знал, что сказать: сначала тянул «а», а потом неторопливо придумывал продолжение.

Раньше, когда Цзян Шии заставлял его делать домашку, он тоже так отвечал.

Агент 01 увидел первую улыбку на лице 0410 с момента его поступления в центр. На душе стало сложно — потому что в эту секунду он наконец осознал: 0410 — человек.

02 нужно было идти по другим делам. Он прервал связь.

И спросил у Сы Юэ на том конце провода:

— Что вы имели в виду, когда спросили его об этом?

Сы Юэ смотрел на солнечные узоры на полу:

— Буквально то, что сказал. Если он не хочет — значит, не надо.

— В каком смысле? — 02 решил, что ослышался.

— Не спасайте.

Сы Юэ не был родственником Цзян Шии. Он не имел права решать за него — жить или умирать. Но он уважал решение, которое Цзян Шии принял сам.

02 помолчал.

— Мы надеялись, что вы поможете его убедить. Но должен предупредить: наши эксперименты только начались. Хотя он отказался от лечения, исследования будут продолжены — он сам дал согласие. Мы будем давать ему препараты, замедляющие мутацию и генное перерождение. У нас в этом достаточный опыт. Если бы не чудовищная агрессивность и скорость размножения того гена в его организме, при постоянном приёме лекарств он мог бы прожить ещё полгода. В его нынешнем состоянии — максимум три месяца.

— Препарат стоит пять миллионов за ампулу. Колоть его — это как лить деньги в канализацию. Но оно того стоит: в его теле есть нечто, представляющее для центра огромную научную ценность.

Сы Юэ было безразлично, какую ценность представлял Цзян Шии:

— Он будет меньше страдать?

— Да. Если он будет контролировать эмоции и нормально питаться, — 02 ответил уверенно, — он будет почти неотличим от обычного человека.

Голодное животное ест инстинктивно. Остатки человеческих инстинктов в Цзян Шии заставляли его отказываться есть как зверь.

— И ещё… можете вы дать Цзян Шии тарелку и палочки? — Сы Юэ вспомнил, как Чжоу Янъян говорил, что еду ему просто вываливают из ведра. Он не мог представить Цзян Шии, стоящего на коленях и жрущего из миски на полу. Для него это было невыносимо. Для Цзян Шии — тем более.

— Палочки — ладно. Тарелка — точно нет. Ему нужно в сто раз больше калорий, чем человеку. Может, тазик подойдёт?

— …

После долгих препирательств 02 согласился ещё и на деревянный обеденный стол, а также стакан и кувшин с водой. Никаких поилок.

Положив трубку, 02 откинулся на стуле и цокнул языком. Помедлив, он включил микрофон и обратился к обитателю изолятора:

— 0410, твой друг попросил нас давать тебе фрукты каждый день. Какие фрукты ты хочешь сегодня?

Сы Юэ было далеко до невозмутимости 02.

02 — русал. Во-первых, ему было глубоко безразлична судьба людей. Во-вторых, он не считал Цзян Шии своим. Научная ценность его тела волновала 02 и всех в центре куда больше, чем его личность.

Русалы равнодушны к дружбе и родственным узам. Сы Юэ, бывший человек, превращающийся в русала, ещё не успел перенять это свойство.

В этот день — одиннадцатого апреля, вторник, ясно — Сы Юэ, будущий русал, получил первое предварительное извещение о смерти друга.

Вэнь Хэ ответила через два часа. Сы Юэ к тому моменту сидел за учебниками, перемежая зубрёжку с тоской.

Он взял телефон.

[Госпожа Вэнь: ???? Тебя чему в университете учили????]

— …

Какой прекрасный день. И какие безжалостные слова из уст Госпожи Вэнь.

Сы Юэ уткнулся в экран и набрал:

[Это не обычная тошнота. Она другая… Ладно, всё равно не поймёшь.]

Он и правда не мог описать это ощущение.

Из глубины желудка поднималась волна — с привкусом крови, будто желудок вывернуло наизнанку и вернули обратно.

Бай Лу сидел у ног Сы Юэ с Жуся на руках. Заметив его бледность, он прижался подбородком к его колену и тихо спросил:

— А-Юэ, ты выглядишь так, будто вот-вот умрёшь.

Сы Юэ отложил ручку и скрестил руки:

— Теперь я понимаю, почему дед тебя не жалует.

— Он никогда меня не жаловал.

— И вообще, А-Юэ, ты правда ужасно выглядишь.

Не успел Бай Лу договорить, как лицо Сы Юэ изменилось — стало ещё хуже.

На мгновение Бай Лу решил, что ему сейчас прилетит.

Сы Юэ прижал ладонь к животу. Краски мгновенно схлынули с лица, оставив мертвенную бледность.

Он медленно опустил голову на край стола. Дыхание с каждым разом становилось чаще и тяжелее.

— Дядюшка Чэнь! — Бай Лу, смекнув, что дело плохо, бросил Жуся и вскочил. — Дядюшка Чэнь, скорее! Посмотрите на А-Юэ! У него, кажется, живот болит!

Бай Лу притащил дядюшку Чэня из кабинета. Сы Юэ стоял, согнувшись пополам, и его рвало — громко, с надрывом, совсем не по-человечески. Слёзы лились из глаз прямо на ковёр. Боль в животе была такой, что он не мог выпрямиться — она отдавала в позвоночник.

Дядюшка Чэнь бросился звонить Бай Цзяню.

Гудки шли через каждые несколько секунд. Дядюшка Чэнь приказал себе сохранять спокойствие.

Ответил.

— Господин Бай Цзянь, молодому господину А-Юэ плохо, он…

Дядюшка Чэнь не договорил. Бай Лу вскрикнул:

— Дядюшка Чэнь! А-Юэ кровью рвёт!

Пересказывать не понадобилось — Бай Цзянь всё услышал.

— Я еду.

Дядюшка Чэнь ещё не положил трубку, а на том конце уже грохнул отодвинутый стул и раздался шум поспешных шагов.

В поместье был штатный врач. Из-за нестабильного состояния Сы Юэ исследовательский центр прислал ещё двоих специалистов. Но поскольку в последние дни всё было спокойно, когда дядюшка Чэнь прибежал за ними, те на заднем дворе копали лунки для мини-гольфа.

— …

Увидев обычно невозмутимого дядюшку Чэня в таком состоянии, оба побросали лопаты и выкатили из кабинета медицинскую тележку с аппаратурой прямо в гостиную.

Даже переодеться не успели.

На бежевом ковре алые пятна крови бросались в глаза.

Кровь и сама по себе пахнет железом. То, что Сы Юэ ощущал у себя во рту раньше, видимо, и был привкус этой крови.

Сы Юэ и без того лихорадил. Он лежал на столе, едва разлепляя веки. Кровь с губ он вытер рукавом, несколько капель попало на штанину.

Он протянул руку врачам и с трудом выпрямился:

— Всего-то одна рвота с кровью. Не то чтобы непрерывная.

Он посмотрел на встревоженных дядюшку Чэня и Бай Лу:

— Вы позвонили Бай Цзяню?

Бай Лу выпалил:

— Конечно! Разве можно его не позвать?!

Чжао Фэнмань встал на колени и стеклянной пластиной аккуратно собрал чистую кровь с ковра в пробирку, потом попросил дядюшку Чэня вызвать уборку. Почему-то от запаха этой крови ему стало не по себе — не тошнило, а пробрало ознобом по спине.

Ковёр убрали.

Сы Юэ прошёл полный осмотр. Часть результатов будет только вечером, часть — уже готова.

— Иммунитет снова упал… — Ли Жэнь изучал данные на мониторе. — Причём не плавно, а скачком. Долго держался на одном уровне, а сегодня разом просел на двадцать процентов. Похоже на реакцию на резкий сильный стресс.

Ли Жэнь достал из кармана фонарик, посветил в зрачки Сы Юэ:

— Зрачки чуть расширились по сравнению с прошлым разом. — Убрал фонарик, придвинул стул к компьютеру. Сегодняшние данные в сравнении с предыдущими показывали резкий обвал всех показателей. Видимо, организм Сы Юэ не выдержал этого скачка, что и вызвало кровавую рвоту.

Сы Юэ взял у дядюшки Чэня стакан воды и прополоскал рот. Привкус крови заставил его поморщиться.

— Мы выпишем вам пероральные препараты для облегчения побочных реакций. Укреплять иммунитет лекарствами бессмысленно — это не то, что можно контролировать медикаментозно.

— И нужно усилить питание. Мы с Чжао Фэнманем составим для вас индивидуальную диету.

— И ещё — моё личное мнение: вам бы уже стоило перебраться в исследовательский центр. Здесь не хватает ни оборудования, ни людей. Мы не можем гарантировать, что не возникнет новых непредвиденных ситуаций. Но это нужно обсудить с господином Бай Цзянем — он мыслит масштабнее нас.

— И ещё: жаропонижающие вам сейчас противопоказаны. Не пейте холодную воду — только тёплую. Холодное будет раздражать желудочно-кишечный тракт.

Запах крови в гостиной никак не выветривался.

Бай Лу не решался подойти. Потому что в этом запахе он чувствовал нотки запаха брата.

Бай Цзянь вернулся. Выскочил из машины и побежал через боковую дорожку. Садовники как раз занимались клумбами, тропинка была мокрой, комья земли от рассады попали ему на ботинки и брюки.

Дядюшка Чэнь открыл дверь. Бай Цзянь не стал переобуваться и направился прямо к Сы Юэ.

Как и сказал Ли Жэнь — сегодняшний Сы Юэ выглядел куда слабее, чем днём раньше или даже вчера.

Сы Юэ полулежал в кресле. Тёмные ресницы лишь подчёркивали мертвенную бледность лица. В солнечном свете кожа казалась почти прозрачной — как мятый лепесток цветка на сгибе. В

такой яркий день он был в белой рубашке с длинным рукавом, и белая чешуя на шее то проступала, то пряталась.

— Быстро же ты примчался, — Сы Юэ приподнял бровь. Голос был хриплым.

Бай Цзянь остановился перед ним и медленно присел на корточки. Взял его ледяные пальцы, лежавшие на коленях:

— Почему кровь?

Сы Юэ оглянулся, убедился, что они одни, наклонился к уху Бай Цзяня:

— Думаю, потому что вчерашнее «пропитывание» отличалось от обычного. Ведь скоро полнолуние.

В жидкости была не только субстанция самого Бай Цзяня, но и субстанция Прародителя — с его агрессивными, атакующими генами.

— Моя вина, — тихо сказал Бай Цзянь. Он смотрел на бескровное лицо Сы Юэ, и за все триста с лишним лет жизни, будучи русалом с притуплёнными эмоциями, он впервые ощутил боль в груди — острую, невыносимую.

Сы Юэ облизнул губы:

— Налей мне воды.

Бай Цзянь встал, налил воды. Сы Юэ пил жадно — в последнее время его постоянно мучила жажда. Осушив стакан одним махом, он отставил его и обнял Бай Цзяня, уткнувшись лицом ему в пояс.

— Когда ты на корточках, мне неудобно обниматься. — На его нежном затылке проступила белая чешуя.

— Бай Цзянь, мне было страшно. Но когда ты пришёл, стало не страшно. — Сы Юэ поднял лицо. Глаза искрились мелкими бликами. Он улыбался — широко, лучезарно. — Блевать кровью — это, знаешь, даже как-то бодрит.

Бай Цзянь опустил на него спокойный взгляд.

— Даже если ты притворяешься, что тебе всё равно, я всё равно буду волноваться.

Улыбка Сы Юэ мгновенно сползла:

— А разве не так делают все пары?

Бай Цзянь рассмеялся, наклонился и нежно поцеловал его:

— Мы — пара. Разделять с тобой боль и опасность — мой долг.

Сы Юэ не мог переспорить Бай Цзяня. Он потрогал ухо:

— Так чего у меня ещё не появлялось?

Чешуя, ушные плавники, глаза, даже ресницы белели…

Бай Цзянь шагнул ближе, мысок его ботинка легонько наступил на тапочек Сы Юэ:

— Хвост.

— А-Юэ, тебе не хватает только хвоста русала, — повторил он.

http://bllate.org/book/14657/1301554